

Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis

Studia Russologica IV (2011)

С.М. Толстая

Сакральное и магическое в славянском народном календаре

Славянский народный календарь – область традиционной духовной культуры, в наибольшей степени демонстрирующая синкретизм христианского и языческого, сакрального и магического начала. Это относится как к языковой стороне народного календаря (к системе хрононимов и календарному дискурсу в целом), так и к обрядовому содержанию праздников и всей системы представлений о годовом времени. Хотя мотивы, разрабатываемые народным календарем, в большинстве случаев заимствуются из христианского культа и предания, способ их восприятия и символической разработки, как правило, базируется на примитивной магии и мифологических представлениях.

Если говорить о **календарной терминологии**, то можно выделить несколько моделей, по которым образуются народные названия праздников (хрононимы). Чаще всего они представляют собой результат «конденсации» канонических названий, которые обычно имеют форму развернутых обозначений евангельского события, которому посвящен тот или иной день. Например, в православном церковном календаре день 6/19 сентября носит название «Воспоминание чуда Архистратига Михаила, бывшего в Хонех (Колоссах)», а в народном календаре это название сокращается до одного ключевого слова *Чудо* или словосочетания *Михайлово чудо*. Очень часто праздник называется просто по имени святого, память которого отмечается в этот день в церковном календаре, например, день «Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца» получает лаконичное название *Никола* (или *Микола*), часто с добавлением «сезонного» эпитета – *Никола зимний* (в отличие от дня св. Николая в мае); день, называемый в церковном календаре «Рождество честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна» (24 июня / 7 июля), называется у восточных славян просто *Иван* или *Иван Купало*, *Иван летний*, *Иван Петровский*, *Иван ведьмин* и т.п. Во многих случаях народные названия полностью заменяют канонические. Так, день 6/19 января в православном календаре называется «Святое Богоявление», а в народной хрононимии он получает название у восточных славян *Крещение*, *Водохрище*, *Иордань*, у сербов – *Водице* и т.п.; канун этого дня «Навечерие Богоявления» называется *Сочельник*, *Голодная кутья*, *Голодная коляда* и т.п.; праздник «Вход Господень в Иерусалим» (воскресенье перед

Пасхой) называется в народной традиции православных славян *Вербное воскресенье*, *Вербница*, у сербов *Цвети*, у поляков *Kwietna (Kwietnia) niedziela, Niedziela palmowa, Niedziela Wierzbowa* и т.п.

Мы видим, что в основу народного хрононима кладется главное обрядовое действие праздника или главный объект этого действия (освящение воды на Крещение → в.-слав. *Водохрище*, серб. *Водице*; гадания девушек в крещенский вечер → полес. *Кутья-ворожка* – от *ворожить* ‘гадать’), или же предписания, действующие в этот день (требование строгого поста → в.-слав. *Голодная кутья*). Мотивационным признаком названия могут служить также верования, связанные с этим днем: поверье о том, что в ночь накануне Ивана Купалы активизируют свою опасную деятельность ведьмы, порождает названия типа полес. *Иван Ведьмин, Иван Ведьмарский* и т.п.

Если же обратиться к **обрядовому содержанию** праздников в народном календаре и **верованиям**, относящимся к ним, то можно убедиться, что они определяются интерпретацией тех евангельских событий, лиц, ситуаций, которые стали объектом календарного почитания, но, кроме того, мифологическими представлениями, относящимися к конкретному сезонному времени и не связанными непосредственно с канонической семантикой праздника. Еще одним источником (мотивом) ритуалов и верований может служить сама языковая форма календаря, т.е. названия праздников, осмысляемые на основе вербальной магии и порождающие ритуальные действия, запреты и верования. Рассмотрим несколько примеров.

Начнем с праздника **Сретения**, 2/15 февраля. В православном церковном календаре он называется *Сретение Господне* и посвящается памяти о том, как Богородица на 40-й день после рождения Христа принесла его в храм, где произошла встреча новорожденного мессии со старцем Симеоном Богоприимцем, которому было предсказано, что он не умрет, пока не увидит «Спасителя, рожденного от Чистой и Пренепорочной Девы». В данном случае семантической основой и ключевым словом толкования евангельского события становится **встреча**, и мотив встречи кладется в основу его древнейшего названия. Хотя «субъектами» встречи в евангельском тексте являются конкретные лица – младенец Христос и старец Симеон, в народном календаре встреча мыслится абстрагированно от персонажей, и праздник называется у восточных славян просто *Сретение, Стриченне* и т.п.; у сербов аналогично *Сретење*. Это название и сам праздник ассоциируются, таким образом, с любой ситуацией встречи. Это уже не встреча святого младенца и старца, а встреча двух календарных сезонов – зимы и лета (ср. вост.-слав. «На Сретение зима с летом встречается»), откуда представление об этом дне как о календарной границе, как о конце одного периода и начале другого (ср. пол. помор. «Gromnica – zimy połowica»; «W okresie tym kończy się przedzenie wełny i lnu – czyli zimowe zajęcie» – Stelmachowska 1933: 88). Такая интерпретация праздника актуализирует поверья о счастливой и несчастливой встрече и порождает предостережения, запреты и приметы относительно встречи: считали, что от того, кого ты встретишь в этот день, зависит, будешь ты здоров весь год или болен, счастлив или несчастен, удачлив или нет.

В других традициях (прежде всего католических) евангельское событие, памяти о котором посвящен праздник, воспринимается по-другому: его семантической доминантой становится не ситуация встречи божественного младенца и старца, а событие, главным лицом которого является Богородица, приходящая в храм на 40-й день после родов для обряда очищения и жертвоприношения. Соответственно этому акценту названием праздника становится имя Богородицы как его главного персонажа с различными «эпитетами». Так, в польском народном календаре этот день называется *Matka Boska Gromniczna* или просто *Gromnicy*; этот же хрононим распространен в Белоруссии и на Украине (скорее всего под польским влиянием); он восходит к названию свечи (*gromnica* от *grom*), которую зажигают для защиты от грома. Мотив свечи лежит также в основе словенского названия праздника *Svečnica*. Восприятие Сретения как праздника свечей и света (в символическом значении света христианской веры, разгоняющей мрак язычества) находит отражение в ритуале церковного освящения свечей в этот день и определяет многие западноевропейские хрононимы, ср. англ. *Candlemas*, нем. *Maria Lichtmess*, франц. *Jour de la Chandeleur*, итал. *Candelora* и т.п., оно находит также отражение в народных легендах, которые связывают свечу и Богородицу единым сюжетом (примеры см. ниже).

Многие «эпитеты» Богородицы в названии этого праздника никак не связаны ни с евангельским событием, ни с ритуальным содержанием праздника. Так, в болгарском календаре этот день может называться *Зимна Богородица* или *Вълча Богородица*, *Трифонова Богородица* (по следующему дню св. Трифона). Болгарское название *Вълча Богородица* связано с почитанием особых «волчьих дней» в календаре, посвященных защите от волков. В польском календаре мотив волков, хотя и не отражен в хрононимах, присутствует в легендах, относящихся к этому дню. Божена Стельмаховска приводит такие рассказы: «W Zblewie utrzymuje się legenda, że Matka Boska schodzi z gromnicą na ziemię, błogosławi biednym i odstrasza wilki»; «jest też podanie... o człowieku, który w święto Matki Boskiej Gromnicznej corocznie do odległego kościoła świecę zaniósł celem święcenia. Nie zaniedbywał tej pobożnej czynności nawet w podeszłym wieku. Będąc już starcem, szedł raz w święto Matki Boskiej Gromnicznej ze świecą do domu. Naraz z przydrożnego lasu wypadło stado wilków, które rozszarpały go na miejscu. W ostatnim momencie życia ujrzał Matkę Boską, jak pochylała się nad nim, wkładając mu do rąk gromnicę. Następnego dnia znaleziono ciało poszarpane, lecz ręka z gromnicą pozostała nietknięta. O cudownej mocy gromnicy mówi inne podanie z okolic Kościerzyny. Wilki napadły gospodarza w dzień święta Matki Boskiej Gromnicznej. Matka Boska rzuciła między wilki gromnicę i od tego czasu, tj. od 2. lutego wilki chodzą pojedynczo» (Stelmachowska 1933: 92). Любопытной параллелью к болгарскому «звериному» хронониму *Вълча Богородица* является польское народное название этого дня *Matka Boska Niedźwiedzia*, засвидетельствованное в Подгале (Lud 30 1/4: 192–193; цитирую по: Ракитянская 1989: 142), где оно объясняется тем, что «в это время медведи просыпаются от зимней спячки». Медвежий мотивы Сретенья известны также сербам: по поверью, в этот день на восходе солнца медведь выходит из берлоги и смотрит на солнце: от того, увидит ли он в этот день свою тень, зависит, возвратится

ли он назад в берлогу или отправится в лес добывать себе пищу (Неделькович 1991: 232).

Таким образом, хотя праздник, отмечаемый 2-го февраля, во всех этнических и локальных традициях посвящен памяти об одном и том же евангельском событии, разные традиции делают разные смысловые акценты и выделяют в нем разные семантические доминанты и мотивы, рассматривая это событие в одном случае как знаковую встречу святого Младенца и старца, в другом – с точки зрения Богородицы, как акт послеродового очищения в храме и жертвоприношения; в третьем – вообще отрываясь от сюжета и связывая праздник с мотивом свечи, т.е. предлагая его символическую трактовку.

Возьмем еще один праздник – **Благовещение** (25 марта / 7 апреля), который в православном календаре занимает очень высокую позицию, приближаясь по своему значению к Пасхе (меньшее значение придается ему в католическом календаре). В большинстве славянских традиций название праздника сохраняет связь с каноническим, церковным названием и с главным мотивом евангельского события, которому посвящен праздник: в.-слав. *Благовещение*, серб. *Благовесту*, хорв. *Blagovijest*, пол. *Zwiastowanie*, *Zwiastowanie Najświętszej Marii Panny* и даже *Zwiastowanie Pańskie* и др. Но есть, как и в случае с праздником Сретения, хрононимы, совпадающие с именем главного персонажа этого события: у словаков, наряду с *Zvestovanie Panny Márie*, встречаются свернутые варианты: *Panna Mária*, *Matka*, *Mala Mara*, то же в польском календаре, но там представлена еще одна мотивационная модель (возможно, книжного происхождения) – *Słowo Wcielone* или *Wcielenie Słowa* (Ракитянская 1989: 161), которая актуализирует еще один компонент (объект) прототипической ситуации, а именно – саму весть.

Если же мы обратимся к обрядам и верованиям этого дня, то обнаружим, что мотив «(благой) вести» трактуется в них не как весть о будущем рождении Христа, а как известие о конце зимы и наступлении весны, а эпитет *благой* не обязательно имеет тот сакральный смысл, который заключен в каноническом названии праздника (весть о чудесном рождении Спасителя): у южных славян слово *благой* имеет значение 'сладкий, мягкий добрый', а *благо* означает 'домашний скот' или 'имущество, богатство, деньги'; именно эти значения приносятся в семантику праздника и определяют многие магические действия этого дня. В зависимости от толкования ключевых слов хрононима (*благая весть*) обычаи и верования, относящиеся к празднику, насыщаются либо мотивами начала весны, хозяйственного года, пробуждения земли после зимнего сна, прилета птиц и т.п. (это главное содержание обрядности Благовещения), либо рекомендациями сажать огурцы и перец, чтобы они были «благими», т.е. сладкими (вост. Сербия), либо предписаниями отправляться искать «благо», т.е. клады (Славония). См. подробнее: (Толстые 1995).

В христианском (как церковном, так и народном) календаре представлены праздники двух основных типов: 1) «событийные», т.е. посвященные определенным евангельским событиям (Рождество, Сретение, Благовещение, Вознесение, Преображение, Успение, Введение Богородицы во храм, Воздвижение и т.п.), и 2) «персонажные», т.е. посвященные памяти сакральных лиц – пророков, святых, мучеников и т.д. Для народного календаря характерно

преимущественно персонажное восприятие праздников, своего рода «персоцентричность»: во многих случаях, даже когда церковный календарь посвящает тот или иной день памяти о событии, народный календарь склонен делать акцент не на самом событии, а на соответствующем сакральном лице – участнике (субъекте) события. Эта особенность народного календаря отражается в способах номинации праздников, т.е. в системе хрононимов. В разных этнических и локальных традициях соотношение «событийных» и «персонажных» хрононимов оказывается различным. Например, 15/28 августа называется у русских «событийно» (*Успение*; в церковном календаре «Успение Пресвятой Богородицы»), у сербов «персонажно» (*Велика Госпојина*), у поляков двояко (*Wniebowzięcie, Marii Wniebowzięcie, Matka Boska Zielna, Matka Boska Żniwna* и др.).

Характерной чертой польской народной хрононимии можно считать преобладание в ней «персонажных» хрононимов, в особенности это касается названий богородичных праздников. Мы уже видели это на примере праздника 2 февраля (Сретения). Еще ярче это проявляется в хрононимах Благовещения: в этом случае «событийные» номинации (*Zwiastowanie*) занимают периферийное положение, тогда как «персонажный» тип номинаций представлен очень широко и разнообразно. День 25 марта называется в разных районах Польши: *Matka Boska Strumna, Srumienna, Roztworna, Wiosenna, Wygnana, Żabiczna* или *Dzień Matki Boski Kwietnej, Ożywiającej, Zagrzewnej*. Имя сакрального персонажа сочетается здесь с эпитетами совершенно иного характера, не имеющего отношения к сакральному началу: кашубские эпитеты *Strumna, Srumienna* мотивированы тем, что «подо льдом начинает биться первый ручей», эпитет *Roztworna* – тем, что «земля растворяет свои недра, и наружу выходят земноводные, пресмыкающиеся, насекомые; у жаб и змей открываются рты, «заросшие» зимой» (Sychta 1969: 58, 59); на Мазурах название *Matka Boska Wygnana* объясняли тем, что в этот день совершается первый выгон скота на пастбище (Stelmachowska 1933: 119); подгальский хрононим *Matka Boska Żabiczna* – тем, что в это время начинают квакать лягушки (Lud 30 1/4: 193, цитирую по Ракитянская 1989: 144); хрононимы *Dzień Matki Boski Ożywiającej* и *Matki Boski Zagrzewnej* – тем, что «в этот день оживает природа» и что «согревается земля» (Ракитянская 1989: 144). Нужно отметить, что все эти мотивы присутствуют не только в календарной номинации, но и широко представлены в обычаях и верованиях, относящихся к Благовещению (см. Толстые 1995).

Если собрать все многочисленные польские календарные «эпитеты» Богородицы, то среди них можно выделить несколько типов в зависимости от мотивации. Лишь очень немногие относятся к самому библейскому персонажу Богородице – *Najświętsza, Niepokalanie Poczęta, Bolesna*. Все остальные эпитеты (среди них больше всего кашубских) относятся не к Богородице, а к персонифицированному календарному дню, связанному с ее именем. Это могут быть «календарные» эпитеты, определяющие место богородичного дня в годовом цикле (*Matka Boska Adwentowa, Przedgodna, Majowa*); это могут быть «сезонные» эпитеты, определяющие день по приметам погоды и состоянию природы (*Strumienna, Roztworna, Ożywiająca, Zagrzewna, Kwietna, Żabiczna*), по хозяйственным занятиям (*Wygnana, Rybacka, Jagodna, Siewna*,

Żniwna, Żytosiewna); наконец, эти эпитеты могут отражать ритуальные практики или приемы, относящиеся к данному богородичному дню. Так, эпитет *Zielna* мотивирован практикой освящения трав в этот день, *Gromniczna* – обычаем освящения свечей 2 февраля; эпитеты *Szkaplerzna* и *Różańcowa* даны по предметам культа (ладанке и четкам).

Еще один пример соотношения канонического христианского содержания праздника и его народной интерпретации дает день **Сорока мучеников** (9 марта), посвященный памяти сорока севастиийских воинов, принявших мученическую смерть от рук язычников. В народном календаре это событие порождает двоякую символическую трактовку. Одним импульсом для нее становится число 40 (по поверьям, прилетает сорок птиц из вырея; пекут сорок хлебцев и т.п.) и этим же числом мотивируется название праздника: в.-слав. *Сорок мучеников*, *Сороки*, болг. *Свети четирисе*, пол. *Czterdziestu męczenników* и т.д. Другим импульсом служит мотив самих мучеников-воинов, соответственно праздник у южных славян часто называется *Младенци* (серб., болг.), и так же (*младенци* или *младенчићи*) называются выпекаемые к этому празднику пресные хлебцы, которые в этот день было принято раздавать соседям и пастухам. Этот пример интересен еще и тем, что в некоторых сербских областях (например, в Хомолье) этот день по аналогии праздниками, называемыми именами святых, считается днем памяти несуществующего святого *св. Младена*, называемого также *Змеиным днем*; к нему приурочены магические обряды защиты от змей, а также превентивные ритуалы, обеспечивающие здоровье на целый год.

Примеры подобной реинтерпретации канонических христианских хронотимов и соответствующих евангельских событий в языковой форме и ритуальном содержании народного календаря можно было бы многократно умножить¹.

Литература

Stelmachowska B., 1933, *Rok obrzędowy na Pomorzu*, Toruń.

Sychta B., 1969, *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, т. 3.

Недельковић М., 1991, *Годишњи обичаји у Срба*, Београд.

Ракитянская А., 1989, *Польский народный календарь в этнолингвистическом освещении*, Дипломная работа, МГУ, Научный рук. Н.И.Толстой, Москва.

Толстые Н.И., С.М., 1995, *Благовещение*, [в:] Н.И. Толстой (ред.), *Славянские древности*, т. 1, Москва, с. 182–188.

¹ Работа является частью проекта, поддерживаемого грантом РГНФ 08-04-0053а.

Sacrum a magia w słowiańskim kalendarzu ludowym

Streszczenie

Celem artykułu jest pokazanie sposobów współdziałania elementów chrześcijańskich, stanowiących podstawę sakralną kalendarza ludowego, z elementami ustnej tradycji ludowej opartej na zasadach magii i mitologii. Chodzi zarówno o nazwy świąt dorocznych (chrononimy) jak i obrzędy, zwyczaje, wierzenia, zakazy, prognostyki, związane z poszczególnymi świętami. Odrębne tradycje etniczne i lokalne w swej interpretacji (werbalnej i kulturowej) jednostek kalendarzowych kładą nacisk na różne strony zdarzenia, o którym opowiada ewangelia, i nadają im odmienne znaczenia symboliczne. Ilustrują to nazwy i obrzędowość świąt 2/15.2 (Matka Boska Gromniczna), 25.3/7.4 (Zwiastowanie), 9/22.3 (Czterdziestu męczenników) i in. w różnych prawosławnych i katolickich tradycjach słowiańskich.